Марк Дога

Развод как норма

Почему мы перестали сохранять браки

Марк Дога

Развод как норма. Почему мы перестали сохранять браки

«Автор»
2026

Дога М.

Развод как норма. Почему мы перестали сохранять браки / М. Дога — «Автор», 2026

Почему брак перестал быть пожизненным? Эта книга — междисциплинарное исследование тектонического сдвига в самом фундаменте человеческих отношений: от институционального брака, основанного на экономической необходимости, религиозном долге и социальном давлении, к индивидуализированному партнёрству, основанному на любви, личном выборе и самореализации.Опираясь на данные социологии, экономики, права, психологии и гендерных исследований, автор прослеживает, как экономическая независимость женщин, романтическая революция, правовые реформы, культурный сдвиг от долга к счастью, трансформация гендерных ролей и цифровая революция вместе подорвали пожизненность брака. Книга анализирует новые формы семейных отношений — серийную моногамию, смешанные семьи, «живущих вместе раздельно», — и предлагает три сценария будущего брака к 2050 году.

© Дога М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение 5
1. Брак как экономический контракт. От династии до домохозяйства 13
2. Любовь как основание. Романтическая революция и ее парадоксы 21
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Марк Дога
Развод как норма. Почему мы перестали сохранять браки

Введение

В 2024 году в России было зарегистрировано 917 тысяч браков и 683 тысячи разводов. Соотношение – почти три развода на четыре свадьбы. В США ситуация ещё более показательна: примерно половина всех первых браков заканчивается разводом, а средняя продолжительность брака сократилась с 33 лет в 1990 году до 19 лет в 2024-м. В Европейском союзе каждый третий брак распадается в течение первых десяти лет, а в крупных городах – таких как Париж, Берлин или Москва – доля разводов среди первых браков приближается к 50%. Эти цифры перестали быть сенсацией. Они стали фоном, привычной статистикой, частью повседневности, о которой говорят без драматизма, а часто – с прагматичным спокойствием.

Но за этими сухими цифрами скрывается тектонический сдвиг в самом фундаменте человеческих отношений. Институт, который на протяжении тысячелетий считался незыблемым, который освящался религией, закреплялся законом и поддерживался экономической необходимостью, утратил свою главную характеристику – пожизненность. Брак перестал быть проектом «на всю жизнь». Он стал проектом «на время». И это изменение – не просто статистический факт. Это революция в том, как люди понимают близость, обязательства, свободу и счастье.

Парадокс современности заключается в том, что брак никогда не был так доступен – юридически, социально, культурно – и одновременно так хрупок. В прошлом, чтобы вступить в брак, нужно было преодолеть множество барьеров: сословных, экономических, религиозных, географических. Сегодня эти барьеры в значительной степени исчезли. Люди могут выбирать партнёра по любви, независимо от происхождения, достатка или вероисповедания. Они могут заключить брак в любом возрасте, в любой стране, с человеком любого пола (в большинстве развитых стран). Юридические процедуры упростились до нескольких часов. Социальное одобрение стало почти универсальным. Но чем доступнее становился брак, тем менее прочным он оказывался. Чем больше свободы получали люди при его заключении, тем легче они стали его расторгать.

Этот парадокс требует объяснения. Почему институт, который должен был укрепиться благодаря свободе выбора, стал более уязвимым? Почему люди, которые вступают в брак по любви, а не по расчёту, разводятся чаще, чем те, кто женился по экономическим или социальным соображениям? Почему рост благосостояния, образования и правовой защиты – все те факторы, которые должны были улучшить качество брака – привели к его большей хрупкости?

Ответ на эти вопросы не лежит на поверхности. Он требует анализа глубинных процессов, которые происходили на протяжении последних двух столетий и которые радикально изменили условия существования брака. Эти процессы можно условно разделить на несколько ключевых измерений: экономическое, правовое, культурное, гендерное и психологическое. Каждое из них внесло свой вклад в трансформацию брака из пожизненного союза в временное партнёрство. И каждое из них заслуживает детального рассмотрения.

В этой книге мы не спрашиваем, хорошо это или плохо. Мы не пытаемся оценивать морально: стало ли общество лучше или хуже от того, что развод превратился в норму. Мы не ностальгируем по «золотому веку» традиционной семьи, который, как показывают истори-

ческие исследования, был не таким уж золотым – по крайней мере, для женщин, детей и тех, кто не вписывался в нормативные модели. И мы не защищаем «распущенность» или «безответственность», как это делают некоторые консервативные критики современности.

Мы задаём другой вопрос: почему? Почему развод стал нормой? Что изменилось в экономике, праве, культуре и психологии, что превратило формулу «пока смерть не разлучит нас» в формулу «пока это работает для нас»? Какие механизмы – институциональные, культурные, психологические – сделали расторжение брака не только возможным, но и приемлемым, обыденным, ожидаемым?

Этот вопрос не является чисто академическим. Он имеет глубокие практические последствия. Понимание того, почему брак перестал быть пожизненным, позволяет не только лучше осмыслить прошлое и настоящее, но и прогнозировать будущее. Каким будет брак через двадцать или тридцать лет? Какие формы семейных отношений придут на смену традиционной моногамии? Как общество будет адаптироваться к новым реалиям? И, что самое важное, как люди будут строить свои отношения в мире, где пожизненность перестала быть обязательной характеристикой брака?

Ответы на эти вопросы требуют междисциплинарного подхода. Экономика объясняет, как изменение структуры производства и рост благосостояния подорвали экономическую необходимость брака. Право показывает, как юридические реформы сделали развод доступным и безопасным. Социология анализирует, как изменились социальные нормы и ожидания. Психология раскрывает, как люди принимают решение о разводе и как они переживают его последствия. Культурология исследует, как изменились представления о любви, счастье и самореализации. И только синтез всех этих перспектив позволяет понять, почему брак перестал быть пожизненным.

Центральный тезис этой книги заключается в том, что развод стал нормой не потому, что люди стали хуже, безответственнее или эгоистичнее. Он стал нормой потому, что изменились фундаментальные условия, в которых существует брак. Мы перешли от институционального брака – основанного на экономической необходимости, социальном давлении и религиозном долге – к индивидуализированному партнёрству – основанному на эмоциональной близости, личном выборе и самореализации. Этот переход не был одномоментным. Он происходил на протяжении нескольких столетий, ускоряясь в периоды экономических кризисов, войн, культурных революций и технологических прорывов. Но его результат очевиден: брак перестал быть пожизненным, потому что перестал быть необходимостью. Он стал выбором. А выбор, по определению, предполагает возможность изменить решение.

Прежде чем двигаться дальше, необходимо сделать важное методологическое замечание. Эта книга – не морализаторский трактат. Она не о «кризисе семьи» и не о «распущенности». Она о тектонических сдвигах в самом фундаменте человеческих отношений. Эти сдвиги не являются ни хорошими, ни плохими в моральном смысле. Они являются историческими фактами, которые требуют анализа, а не осуждения.

Морализаторский подход к разводу имеет долгую историю. На протяжении веков развод осуждался как грех, как нарушение божественного порядка, как предательство семейных обязательств. Религиозные институты – христианские, исламские, иудейские – рассматривали брак как нерасторжимый союз, а развод – как моральную катастрофу. В XIX и XX веках к религиозному осуждению добавилось социальное: разведённые люди, особенно женщины, подвергались стигматизации, их считали «испорченными», «ненадёжными», «неполноценными». В некоторых обществах развод означал полную потерю социального статуса, изоляцию и экономическую катастрофу.

Сегодня ситуация изменилась. Развод перестал быть стигмой. Он стал обыденностью. Но морализаторский дискурс не исчез полностью – он трансформировался. В современном обществе можно выделить несколько основных позиций по отношению к разводу:

Консервативная позиция. Развод – это моральный упадок, разрушение традиционных ценностей, эгоизм, неспособность нести ответственность. Сторонники этой позиции призывают к ужесточению законодательства о разводе, возврату к «традиционным семейным ценностям», пропаганде пожизненного брака. Они ссылаются на статистику, показывающую негативные последствия развода для детей, и на исследования, демонстрирующие, что большинство разведённых людей сожалеют о своём решении.

Либеральная позиция. Развод – это право, свобода, возможность выйти из неудовлетворительных или абьюзивных отношений. Сторонники этой позиции призывают к защите прав разведённых, особенно женщин и детей, к улучшению условий после развода, к борьбе со стигматизацией. Они ссылаются на исследования, показывающие, что развод может быть благом для людей, находящихся в токсичных отношениях, и на данные, демонстрирующие, что дети из конфликтных семей, где родители развелись, часто чувствуют себя лучше, чем дети из конфликтных семей, где родители остались вместе.

Прагматическая позиция. Развод – это факт, с которым нужно работать. Сторонники этой позиции не оценивают развод морально, а анализируют его причины и последствия, ищут способы минимизировать негативные эффекты и максимизировать позитивные. Они признают, что развод может быть и травмой, и освобождением, в зависимости от контекста, и что общество должно создавать институты, помогающие людям адаптироваться к новым реалиям.

Эта книга придерживается прагматической позиции. Мы не считаем развод ни моральной катастрофой, ни актом освобождения. Мы считаем его историческим феноменом, который требует объяснения. Наша задача – не оценивать, а понимать. Не судить, а анализировать. Не проповедовать, а исследовать.

Такой подход имеет важные последствия. Во-первых, он позволяет избежать идеологических ловушек. Консервативный и либеральный дискурсы о разводе часто основаны на ценностных предпосылках, которые невозможно проверить эмпирически. Консерваторы исходят из того, что пожизненный брак – это благо, а развод – это зло. Либералы исходят из того, что свобода выбора – это благо, а принуждение – это зло. Но эти предпосылки не являются научными фактами. Они являются моральными убеждениями, которые могут быть оспорены. Прагматический подход позволяет выйти за рамки этих дебатов и сосредоточиться на анализе причин и следствий.

Во-вторых, прагматический подход позволяет увидеть развод в более широком контексте. Развод – это не изолированное явление. Он связан с другими процессами: изменением гендерных ролей, трансформацией экономики, эволюцией права, культурными сдвигами. Понимание этих связей позволяет увидеть развод не как «проблему», а как часть более широкой картины социальных изменений.

В-третьих, прагматический подход позволяет разрабатывать более эффективные политики. Если мы понимаем, почему люди разводятся, мы можем создавать условия, которые помогают им принимать более осознанные решения, минимизируют негативные последствия развода и поддерживают здоровые отношения. Это не означает, что мы должны «бороться с разводом» или «поощрять развод». Это означает, что мы должны создавать институты, которые поддерживают людей в их усилиях строить и сохранять удовлетворяющие отношения, и которые помогают им адаптироваться, когда эти отношения заканчиваются.

Мы перешли от институционального брака к индивидуализированному партнёрству. Это переход – не одномоментный акт, а длительный процесс, который происходил на протяжении нескольких столетий и который продолжается до сих пор. Понимание этого перехода является ключом к пониманию того, почему брак перестал быть пожизненным.

Институциональный брак – это модель, которая доминировала на протяжении большей части человеческой истории. В этой модели брак был не столько отношениями между двумя

людьми, сколько институтом, встроенным в более широкую систему социальных, экономических и религиозных отношений. Брак заключался не по любви, а по расчёту – экономическому, политическому, социальному. Родители выбирали партнёров для своих детей, исходя из интересов семьи, рода, сословия. Любовь, если она вообще присутствовала, была не причиной брака, а его возможным следствием. И даже если любовь возникала, она не была основанием для сохранения брака. Брак сохранялся не потому, что супруги любили друг друга, а потому, что развод был невозможен – юридически, религиозно, экономически.

В институциональном браке роли супругов были чётко определены и жёстко закреплены. Мужчина был главой семьи, добытчиком, представителем семьи во внешнем мире. Женщина была хранительницей очага, матерью, хозяйкой. Эти роли не были результатом личного выбора – они были предписаны обществом, религией, традицией. Отклонение от этих ролей осуждалось, а иногда и наказывалось. Женщина, которая не хотела быть матерью или хозяйкой, считалась «неправильной». Мужчина, который не мог обеспечить семью, считался «неудачником». Индивидуальные желания и стремления подчинялись коллективным интересам.

Институциональный брак был пожизненным не потому, что супруги были счастливы, а потому, что у них не было выбора. Развод был либо полностью запрещён, либо крайне затруднён. Религиозные институты рассматривали брак как таинство, нерасторжимый союз перед Богом. Юридические системы не предусматривали возможности расторжения брака или предусматривали её только в исключительных случаях (измена, жестокость, оставление). Экономическая зависимость женщин от мужчин делала развод экономически самоубийственным. Социальное давление – осуждение разведённых, потеря статуса, изоляция – делало развод социально невозможным.

Индивидуализированное партнёрство – это модель, которая начала формироваться в эпоху Просвещения и романтизма и которая стала доминирующей во второй половине XX века. В этой модели брак – это отношения между двумя людьми, основанные на любви, взаимном уважении, эмоциональной близости и личном выборе. Брак заключается не по расчёту, а по любви. Партнёры выбирают друг друга самостоятельно, исходя из своих чувств, ценностей, предпочтений. Любовь – не следствие брака, а его причина. И если любовь угасает, брак теряет своё основание.

В индивидуализированном партнёрстве роли супругов не являются жёстко закреплёнными. Они определяются самими партнёрами, исходя из их предпочтений, способностей, обстоятельств. Мужчина может быть домохозяином, женщина – добытчицей. Или оба могут работать и оба участвовать в домашних делах. Или они могут выбирать любые другие комбинации. Главное – это не соответствие внешним нормам, а удовлетворённость самих партнёров. Индивидуальные желания и стремления не подчиняются коллективным интересам – они являются главным критерием при принятии решений.

Индивидуализированное партнёрство не является пожизненным по определению. Оно существует до тех пор, пока приносит удовлетворение обоим партнёрам. Если удовлетворение исчезает, партнёры могут расторгнуть отношения. Развод становится не катастрофой, а нормальным завершением отношений, которые исчерпали себя. Это не означает, что люди не стремятся к долгосрочным отношениям – они стремятся. Но они не считают, что эти отношения должны длиться любой ценой. Они готовы уйти, если отношения перестают соответствовать их ожиданиям.

Переход от институционального брака к индивидуализированному партнёрству не был линейным или одномоментным. Он происходил неравномерно, с откатами и возвратами. В разных обществах он протекал с разной скоростью и принимал разные формы. Но общее направление было единым: от принуждения к выбору, от обязанности к праву, от пожизненности к временности.

Этот переход имеет глубокие последствия для всех аспектов брака. Он изменил то, как люди выбирают партнёров, как они строят отношения, как они распределяют роли и обязанности, как они разрешают конфликты, как они принимают решения о разводе. Он изменил ожидания, которые люди возлагают на брак, и критерии, по которым они оценивают его успешность. Он изменил социальные нормы, культурные нарративы, правовые институты. И он продолжает изменять всё это до сих пор.

Одним из ключевых факторов, подорвавших институциональный брак, стала экономическая независимость женщин. На протяжении большей части человеческой истории женщины были экономически зависимы от мужчин. Они не имели права владеть собственностью, наследовать имущество, самостоятельно зарабатывать. Их выживание зависело от отца, мужа, брата или сына. Эта экономическая зависимость была главным механизмом, который делал брак пожизненным. Женщина, которая хотела уйти от мужа, сталкивалась с перспективой нищеты, голода, социальной изоляции. Даже если она была несчастна, даже если муж был жестоким или неверным, она часто не имела выбора, кроме как остаться.

Экономическая независимость женщин изменила всё. Когда женщины получили право на образование, на работу, на собственность, на равную оплату труда, они получили возможность выживать без мужчины. Это не означало, что они перестали хотеть брака – они продолжали хотеть. Но это означало, что они перестали нуждаться в браке для выживания. Брак стал выбором, а не необходимостью. А выбор, как мы уже говорили, предполагает возможность изменить решение.

Экономическая независимость женщин повлияла на брак несколькими путями. Во-первых, она изменила баланс власти в браке. Когда женщина зарабатывает столько же, сколько мужчина, или больше, она может требовать равного участия в принятии решений, равного распределения домашних обязанностей, равного уважения. Если мужчина не готов к этому, она может уйти. Во-вторых, она изменила ожидания женщин от брака. Когда женщина может обеспечить себя сама, она не нуждается в муже как в «добытчике». Она ищет партнёра, который приносит в отношения что-то другое – эмоциональную поддержку, интеллектуальное стимулирование, разделение ценностей. Если партнёр не соответствует этим ожиданиям, она может уйти. В-третьих, она изменила социальные нормы. Когда женщины работают наравне с мужчинами, общество начинает воспринимать их как самостоятельных субъектов, а не как «приложение» к мужчине. Это делает развод более приемлемым социально.

Экономическая независимость женщин не была единственным фактором, подорвавшим институциональный брак. Но она была одним из самых мощных. Как пишет экономист Беттина Канлифф, «экономическая независимость женщин – это, возможно, самое значительное социальное изменение за последние сто лет». И это изменение имеет глубокие последствия для брака. Оно делает брак более равноправным, более осознанным, более качественным – но одновременно и более хрупким.

Другим ключевым фактором, подорвавшим институциональный брак, стала романтическая революция – переход от брака по расчёту к браку по любви. Этот переход начался в эпоху Просвещения и романтизма и стал доминирующим во второй половине XX века. Сегодня мы воспринимаем брак по любви как нечто само собой разумеющееся. Мы считаем, что люди должны вступать в брак только по любви, и что любовь является главным основанием для брака. Но это – исторически новое явление. На протяжении большей части человеческой истории брак заключался по расчёту, а любовь была необязательным дополнением.

Романтическая революция изменила всё. Она сделала любовь главным критерием при выборе партнёра. Она сделала эмоциональную близость главной целью брака. Она сделала личное счастье главным критерием успешности брака. Это привело к повышению планки ожиданий: брак должен приносить счастье, страсть, понимание, поддержку. Но это же привело к

повышению хрупкости брака: если любовь угасает, если страсть исчезает, если понимание не достигается, брак теряет своё основание.

Любовь – ненадёжное основание для союза. Чувства изменчивы. Страсть имеет тенденцию угасать со временем. Эмоциональная близость может быть подорвана конфликтами, обидами, недопониманием. Романтическая любовь, которая кажется вечной в начале отношений, часто оказывается временной. И когда она угасает, люди, которые строили свой брак исключительно на любви, оказываются перед выбором: остаться в браке без любви или уйти.

Этот выбор становится всё более сложным. С одной стороны, общество всё больше ценит личное счастье и самореализацию. Оставаться в браке без любви воспринимается как измена себе, как отказ от счастья, как жизнь «по инерции». С другой стороны, общество всё больше осознаёт ценность долгосрочных отношений, стабильности, семьи. Развод воспринимается как травма для детей, как потеря социального капитала, как личная неудача.

Любовь как основание для брака создаёт фундаментальный парадокс. С одной стороны, она делает брак более осмысленным, более ценным, более удовлетворяющим. С другой стороны, она делает брак более хрупким, более уязвимым, более временным. Как пишет социолог Энтони Гидденс, «романтическая любовь – это одновременно и освобождение, и ловушка». Она освобождает людей от принуждения брака по расчёту. Но она же запирает их в ловушку ожиданий, которые трудно удовлетворить на протяжении всей жизни.

Одним из наиболее болезненных аспектов нормализации развода является его влияние на детей. На протяжении десятилетий ведутся дебаты о том, как развод влияет на детей. Одни исследователи подчёркивают негативные последствия: эмоциональные травмы, академические проблемы, поведенческие расстройства, трудности в будущих отношениях. Другие указывают на то, что дети из конфликтных семей, где родители развелись, часто чувствуют себя лучше, чем дети из конфликтных семей, где родители остались вместе. Третьи утверждают, что последствия развода зависят от множества факторов: уровня конфликта между родителями, качества отношений с обоими родителями после развода, экономической стабильности, возраста и темперамента ребёнка.

Эта книга не ставит своей целью разрешить эти дебаты. Мы не утверждаем, что развод – это хорошо или плохо для детей. Мы утверждаем, что развод стал нормой, и что это имеет глубокие последствия для детей. Эти последствия могут быть как негативными, так и позитивными, в зависимости от контекста. Но они есть, и они требуют осмысления.

Когда брак становится «проектом», который может быть завершён, дети оказываются в сложной ситуации. Они не могут «развестись» с родителями. Они не могут выбрать, в какой семье жить. Они часто оказываются объектами конфликта между родителями, которые борются за опеку, за внимание, за лояльность. Они вынуждены адаптироваться к новым семейным конфигурациям: новые партнёры родителей, сводные братья и сёстры, две семьи вместо одной. Они сталкиваются с вопросами идентичности: кто я, если моя семья распалась? Они сталкиваются с вопросами доверия: могу ли я верить в любовь, если любовь моих родителей закончилась?

Современное общество разработало множество институтов и практик, направленных на минимизацию негативных последствий развода для детей. Совместная опека, медиация, психологическая поддержка, программы для разведённых родителей – всё это направлено на то, чтобы помочь детям адаптироваться к новым реалиям. Но эти институты не решают фундаментальной проблемы: дети растут в мире, где брак перестал быть пожизненным, и где им самим предстоит принимать решения о своих собственных отношениях в условиях неопределённости.

Что придёт на смену браку, если он окончательно перестанет быть пожизненным?

Этот вопрос является, возможно, самым важным и самым сложным. Если брак перестал быть пожизненным, что придёт на смену? Какие формы семейных отношений будут доминировать в будущем? Как общество будет организовывать близость, заботу, воспитание детей, передачу имущества?

Существует несколько возможных сценариев. Один из них – «серийная моногамия»: последовательность длительных, но не пожизненных браков. Люди вступают в брак, живут вместе несколько лет или десятилетий, затем разводятся и вступают в новый брак. Этот сценарий уже становится реальностью во многих странах. Другой сценарий – «конфигуративная семья»: сложные сети бывших супругов, новых партнёров, сводных братьев и сестёр, которые поддерживают отношения друг с другом. Этот сценарий также становится всё более распространённым. Третий сценарий – «жизнь после развода»: рост числа людей, которые живут одни, или в сожительстве, или в «живущих вместе раздельно» (LAT) отношениях. Этот сценарий также набирает силу.

Каждый из этих сценариев имеет свои преимущества и недостатки. Серийная моногамия позволяет людям находить новых партнёров, когда старые отношения исчерпали себя. Но она создаёт нестабильность для детей и сложности с передачей имущества. Конфигуративная семья позволяет людям поддерживать связи с бывшими партнёрами и их новыми семьями. Но она создаёт сложности с лояльностью и идентичностью. Жизнь после развода позволяет людям сохранять автономию и независимость. Но она создаёт риски одиночества и изоляции.

Будущее брака не предопределено. Оно зависит от множества факторов: экономических, культурных, политических, технологических. Но одно можно сказать с уверенностью: брак не исчезнет. Он продолжит трансформироваться. Он станет более разнообразным, более гибким, более осознанным. И, возможно, более честным.

В этой книге мы попытаемся ответить на несколько ключевых вопросов:

Почему экономическая независимость женщин стала «убийцей» традиционного брака?

Как любовь стала главным, но самым ненадёжным основанием для союза?

Что происходит с детьми, когда брак становится «проектом»?

Как меняются гендерные роли и как это влияет на стабильность брака?

Как люди принимают решение о разводе – осознанно или под влиянием обстоятельств?

Какие экономические последствия имеет развод и кто платит цену?

Как технологии влияют на брак и развод?

Какие новые формы семейных отношений приходят на смену традиционному браку?

Что мы теряем и что приобретаем от нормализации развода?

Каким будет брак через двадцать или тридцать лет?

Эти вопросы не имеют простых ответов. Они требуют анализа множества факторов, учёта разных перспектив, синтеза разных дисциплин. Но именно в этом и заключается цель этой книги – не дать готовые ответы, а предложить инструменты для осмысления одной из самых значительных трансформаций в истории человеческих отношений.

Развод стал нормой. Это факт, который невозможно игнорировать. Но этот факт не является ни поводом для паники, ни поводом для празднования. Он является поводом для осмысления. Почему это произошло? Что это значит? Куда мы движемся? Эти вопросы требуют не морализаторства, а анализа. Не осуждения, а понимания. Не ностальгии, а исследования.

Эта книга – попытка такого исследования. Она не претендует на полноту или окончательность. Она не предлагает простых решений или универсальных рецептов. Она предлагает анализ, основанный на данных, теориях и историческом контексте. Она предлагает перспективу, которая позволяет увидеть развод не как «проблему», а как часть более широкой картины социальных изменений. И она предлагает надежду – надежду на то, что, поняв, почему брак перестал быть пожизненным, мы сможем строить отношения, которые будут более осо-

знанными, более равноправными и, возможно, более прочными – не потому, что они обязаны длиться вечно, а потому, что мы сами выбираем их сохранять.

1. Брак как экономический контракт. От династии до домохозяйства

Брак как основной экономический институт

На протяжении большей части человеческой истории брак был не просто формой интимных отношений или способом организации личной жизни. Он был фундаментальным экономическим институтом – возможно, самым важным после самого государства. Понимание этого факта является ключом к пониманию того, почему брак был пожизненным на протяжении тысячелетий и почему он перестал быть таковым в последние десятилетия.

В аграрных и индустриальных обществах брак выполнял несколько критически важных экономических функций, без которых существование этих обществ было бы невозможно. Эти функции можно условно разделить на три основные категории: воспроизводство рабочей силы, передача собственности и объединение ресурсов. Каждая из этих функций была жизненно важна для выживания как отдельных семей, так и целых сообществ, и каждая из них требовала пожизненного характера брачных отношений.

Воспроизводство рабочей силы было первой и, возможно, самой фундаментальной функцией брака. В докапиталистических и раннекапиталистических обществах рабочая сила – способность человека трудиться – была главным ресурсом, определявшим выживание семьи. Дети не были просто эмоциональной ценностью или «цветами жизни», как мы воспринимаем их сегодня. Они были рабочей силой: в аграрных обществах они работали в поле с раннего возраста, в индустриальных – на фабриках и заводах. Рождение и воспитание детей было экономической инвестицией, которая должна была окупиться их будущим трудом. Брак был институтом, который легитимизировал эту инвестицию, обеспечивая законный статус детей и гарантируя, что они будут принадлежать к той же экономической единице – семье, роду, домохозяйству.

Воспроизводство рабочей силы не ограничивалось рождением детей. Оно включало также их воспитание, обучение и социализацию – подготовку к будущей трудовой жизни. В аграрных обществах эта функция выполнялась преимущественно в рамках расширенной семьи, где старшие поколения передавали младшим знания, навыки и опыт, необходимые для выживания. В индустриальных обществах эта функция постепенно переходила к институтам – школам, фабрикам, армии, – но семья по-прежнему оставалась основной ячейкой, в которой происходило физическое и эмоциональное воспроизводство рабочей силы. Женщина, как «хранительница очага», несла основную ответственность за это воспроизводство, обеспечивая физический уход за детьми, их питание, здоровье и моральное воспитание.

Передача собственности была второй критически важной функцией брака. В обществах, где основным ресурсом была земля, а основным способом производства – сельское хозяйство, передача собственности от поколения к поколению была вопросом выживания рода. Брак был механизмом, который обеспечивал эту передачу. Через брак семьи объединяли свои ресурсы – землю, скот, деньги, права на воду и пастбища – и создавали экономические единицы, достаточно крупные для выживания и процветания. Через брак определялись наследники – законные дети, которые имели право на наследование имущества. Через брак устанавливались связи между семьями – политические, экономические, социальные – которые обеспечивали защиту и поддержку в трудные времена.

Передача собственности через брак была настолько важна, что браки часто заключались между семьями, а не между индивидами. Родители выбирали партнёров для своих детей, исходя из интересов семьи, а не из чувств самих детей. Любовь, если она вообще принималась

в расчёт, была необязательным и часто нежелательным дополнением. Брак, заключённый по любви, без учёта экономических и политических интересов семьи, считался безответственным и даже опасным. Как писал французский философ Мишель Монтень в XVI веке, «брак – это торжественный и религиозный союз, и поэтому удовольствие, которое мы получаем от него, должно быть серьёзным, умеренным и целомудренным; это должно быть удовольствие, скорее, ума, чем тела». Любовь, по его мнению, была «неуместной» в браке, который должен был основываться на расчёте и обязанности.

Объединение ресурсов было третьей ключевой функцией брака. В условиях, когда индивидуальное выживание было невозможно или крайне затруднено, брак создавал экономическую единицу, способную обеспечить своих членов всем необходимым. В аграрных обществах эта единица – домохозяйство – была основной производственной ячейкой. Она производила пищу, одежду, инструменты, жилище – всё, что было необходимо для жизни. Мужчина и женщина в браке объединяли свой труд, свои навыки, свои ресурсы, чтобы создать это домохозяйство. Мужчина обычно выполнял работы, требовавшие физической силы: пахал землю, рубил лес, строил дом, защищал семью. Женщина выполняла работы, требовавшие терпения и тщательности: ухаживала за детьми, готовила пищу, ткала, шила, вела домашнее хозяйство. Эта специализация была не результатом личных предпочтений, а экономической необходимостью: только объединяя усилия, мужчина и женщина могли обеспечить выживание семьи.

В индустриальных обществах объединение ресурсов через брак приобрело новые формы. С развитием капитализма и появлением наёмного труда семья стала единицей потребления и накопления, а не только производства. Заработная плата мужа и (реже) жены объединялась для оплаты жилья, питания, одежды, образования детей. Брак стал способом объединения доходов и расходов, способом создания экономической стабильности и безопасности. Без брака человек – особенно женщина – оказывался экономически уязвимым, неспособным обеспечить себя в случае болезни, старости или потери работы.

Эти три функции – воспроизводство рабочей силы, передача собственности и объединение ресурсов – делали брак не просто желательным, а необходимым институтом. Без брака общество не могло воспроизводиться, собственность не могла передаваться, ресурсы не могли объединяться. И именно потому, что брак выполнял эти критически важные функции, он должен был быть пожизненным. Развод разрушал экономическую единицу, созданную браком. Развод ставил под угрозу передачу собственности. Развод делал детей – будущую рабочую силу – уязвимыми. Развод подрывал экономическую стабильность как отдельных людей, так и целых сообществ.

Исторический анализ: брак в древности и Средневековье

Династический союз и политический альянс

В древних и средневековых обществах брак был в первую очередь политическим и экономическим актом, а не личным выбором. В Древнем Египте, Месопотамии, Греции, Риме браки между представителями правящих династий были инструментом политики. Они заключались для укрепления союзов, предотвращения войн, расширения территорий. Фараон женился на дочери правителя соседней страны, чтобы обеспечить мир на границах. Римский император брал в жёны представительницу влиятельного рода, чтобы заручиться поддержкой сената. Король средневековой Европы женился на принцессе соседнего королевства, чтобы объединить земли и создать империю.

В таких браках чувства супругов не имели никакого значения. Брак был сделкой между двумя сторонами – семьями, родами, государствами. Условия брака – приданое, наследство, права на землю, политические обязательства – обсуждались и согласовывались заранее, часто с участием юристов и дипломатов. Сам брак был лишь формальностью, завершавшей длительный процесс переговоров. Как отмечает историк Жорж Дюби, «брак в средние века был не

столько союзом двух людей, сколько союзом двух семей, двух родов, двух линий наследования».

Династические браки часто заключались между людьми, которые никогда не видели друг друга до свадьбы. Они могли быть детьми, подростками, стариками – возраст не имел значения. Главное было – соответствие интересам семьи. После свадьбы супруги могли жить раздельно, встречаясь лишь для выполнения супружеского долга. Любовь, если она возникала, была случайностью, а не целью. Многие аристократы имели любовниц или любовников, что считалось нормальным, если не нарушало внешних приличий. Брак был публичным институтом, любовь – частным делом.

Брак как сделка между семьями

В крестьянских и ремесленных семьях брак также был экономической сделкой, хотя и менее масштабной, чем у аристократов. Родители выбирали партнёров для своих детей, исходя из практических соображений: размер приданого, качество земли, наличие скота, репутация семьи. Брак объединял два домохозяйства, два набора ресурсов, два набора рабочих рук. Для крестьянской семьи женитьба сына означала приобретение дополнительной рабочей силы – невестки, которая будет работать в поле и в доме. Для семьи невесты – освобождение от обязанности содержать дочь и получение приданого, которое должно было обеспечить её будущее.

Брачные контракты в средневековой Европе были подробными юридическими документами, которые определяли не только имущественные права супругов, но и их обязанности друг перед другом. Контракт мог предусматривать, сколько земли получит невеста в приданое, как будет распределяться наследство, что произойдёт в случае смерти одного из супругов. Брак был бизнес-соглашением, и его расторжение было таким же сложным, как расторжение любого другого контракта.

В таких условиях любовь не была основанием для брака. Более того, она часто считалась угрозой для него. Если молодой человек влюблялся в девушку из неподходящей семьи, родители могли запретить брак, и это считалось нормальным. Если жена влюблялась в другого мужчину, это считалось изменой и могло привести к разводу или даже к смерти. Любовь была опасной силой, которая могла разрушить экономические и политические союзы, созданные браком.

«Всемирно-историческое поражение» по Энгельсу

Особое место в истории брака занимает анализ Фридриха Энгельса, представленный в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). Энгельс, опираясь на исследования антрополога Льюиса Генри Моргана, предложил материалистическое объяснение возникновения моногамного брака и подчинённого положения женщины в нём.

Согласно Энгельсу, в первобытных обществах, основанных на родовом строе и общей собственности, отношения между полами были относительно равноправными. Женщины играли важную роль в экономике – они занимались собирательством, земледелием, ремёслами, – и их статус в обществе был высоким. Родство велось по материнской линии (матрилинейность), и женщины контролировали распределение ресурсов.

Однако с развитием производительных сил – переходом от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию – ситуация изменилась. Мужчины, которые занимались скотоводством и пахотным земледелием, стали контролировать основные средства производства – скот и землю. Появилась частная собственность, и возникла необходимость передавать её по наследству. Но для этого нужно было знать, кто является наследником – кто является биологическим отцом ребёнка. А для этого нужно было контролировать сексуальность женщины, чтобы гарантировать, что она рожает детей только от своего мужа.

Так, по Энгельсу, возник моногамный брак – союз одного мужчины и одной женщины, основанный на подчинении женщины мужчине. Энгельс назвал это «всемирно-историческим

поражением женского пола». Он писал: «Моногамия возникла отнюдь не из индивидуальной любви, с которой она не имеет ничего общего, а из экономических соображений – именно из стремления обеспечить верность жены, а тем самым и происхождение детей от определённого отца». Моногамия была не выражением любви, а инструментом контроля – контроля над женской сексуальностью, контроля над наследством, контроля над собственностью.

Энгельс подчёркивал, что моногамный брак был классовым институтом. Он возник в среде имущих классов, которые имели собственность, требующую защиты и передачи. В среде неимущих классов, где не было собственности, которую нужно было бы передавать, отношения между полами оставались более свободными. Таким образом, брак как экономический контракт был инструментом классового господства – господства мужчин над женщинами и господства имущих над неимущими.

Анализ Энгельса, при всей его спорности и упрощённости, важен для понимания того, что моногамный брак не был «естественным» или «божественным» институтом. Он был историческим продуктом конкретных экономических условий – возникновения частной собственности и необходимости её передачи по наследству. Это означает, что брак может быть изменён, если изменятся эти условия – что, как мы увидим, и произошло в XX веке.

Индустриальная революция: переход от расширенной семьи к нуклеарной

От домохозяйства к фабрике

Индустриальная революция XVIII-XIX веков стала поворотным моментом в истории брака. Она радикально изменила экономическую структуру общества, а вместе с ней – и функции брака, и его устойчивость. До индустриальной революции основной экономической единицей было домохозяйство – расширенная семья, которая производила всё необходимое для жизни: пищу, одежду, инструменты, жилище. Домохозяйство было одновременно и производственной единицей, и потребительской, и социальной. Все его члены – мужчины, женщины, дети, старики – участвовали в производстве и потреблении, каждый в меру своих сил и способностей.

Индустриальная революция разрушила эту модель. Фабрики и заводы отделили место работы от места жительства. Мужчины уходили из дома на фабрику, где продавали свой труд за заработную плату. Женщины и дети тоже шли на фабрики – в текстильной промышленности, например, женщины и дети составляли большинство рабочей силы. Но их труд оплачивался хуже, и они часто работали в худших условиях. Постепенно, по мере роста благосостояния и принятия законодательства об охране труда, женщины и дети были вытеснены из фабричного производства, и мужчина стал основным «добытчиком» семьи.

Эта трансформация привела к появлению новой модели семьи – нуклеарной. Расширенная семья, в которой несколько поколений жили вместе и вели общее хозяйство, уступила место нуклеарной семье, состоящей из родителей и их несовершеннолетних детей. Эта семья больше не была производственной единицей – она была единицей потребления. Мужчина зарабатывал деньги на фабрике, женщина тратила их на покупку товаров для семьи. Мужчина был «добытчиком», женщина – «хранительницей очага». Эта модель стала доминирующей в индустриальных обществах XIX-XX веков и во многом определяет наши представления о «традиционной» семье до сих пор.

«Мужчина-добытчик» и «женщина-хранительница очага» как экономическая модель

Модель «мужчина-добытчик» и «женщина-хранительница очага» была не просто культурным идеалом – она была экономической необходимостью. В условиях, когда заработная плата мужчины была достаточной для содержания семьи, женщина могла оставаться дома и заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей. Это было выгодно и для семьи, и для экономики в целом. Семья получала бесплатный труд женщины по уходу за детьми, приготовлению пищи, уборке, шитью – труд, который в противном случае пришлось бы покупать на

рынке. Экономика получала здоровую, образованную рабочую силу – детей, которые вырастали в стабильных семьях и были готовы к труду на фабриках и заводах.

Однако эта модель имела и обратную сторону. Женщина, которая оставалась дома, становилась экономически зависимой от мужа. Она не имела собственного дохода, не могла владеть собственностью, не могла самостоятельно распоряжаться деньгами. Её выживание зависело от мужа, и это делало её уязвимой. Если муж умирал, она оставалась без средств к существованию. Если муж уходил, она оказывалась в нищете. Если муж был жестоким или неверным, она не могла уйти – у неё не было куда идти и не на что жить.

Эта экономическая зависимость была главным механизмом, который делал брак пожизненным. Женщина не могла позволить себе развод, потому что развод означал нищету. Она не могла позволить себе остаться одна, потому что одна она не могла выжить. Она была привязана к мужу не только эмоционально, но и экономически, и эта привязанность была сильнее любых чувств.

Механизмы устойчивости: почему такой брак был пожизненным?

Брак в индустриальном обществе был пожизненным не потому, что люди были счастливы, а потому, что у них не было выбора. Несколько механизмов обеспечивали устойчивость брака, и каждый из них был мощным барьером на пути к разводу.

Экономическая взаимозависимость была первым и, возможно, самым важным механизмом. В аграрных обществах мужчина и женщина были взаимозависимы: мужчина обеспечивал физическую силу и защиту, женщина – домашний труд и уход за детьми. Ни один из них не мог выжить без другого. В индустриальных обществах эта взаимозависимость приняла новую форму: мужчина обеспечивал доход, женщина – домашний труд. Женщина зависела от мужа экономически, мужчина зависел от жены в плане ухода за домом и детьми. Развод означал для обоих потерю этих ресурсов, и для женщины – часто потерю всего.

Отсутствие правовой возможности расторжения было вторым механизмом. В большинстве обществ до XIX века развод был либо полностью запрещён, либо крайне затруднён. Католическая церковь рассматривала брак как таинство, нерасторжимый союз перед Богом, и не допускала развода. Протестантские церкви допускали развод в исключительных случаях (измена, оставление), но требовали сложной процедуры и часто накладывали ограничения на повторный брак. Светские власти также ограничивали развод: в Англии, например, до 1857 года развод можно было получить только через парламент, что было доступно лишь очень богатым. В России до 1917 года развод был возможен только через церковный суд и только в исключительных случаях. Эти правовые барьеры делали развод практически невозможным для большинства людей.

Религиозная санкция была третьим механизмом. Религия освящала брак и осуждала развод. В христианстве брак считался таинством, установленным Богом, и его расторжение рассматривалось как грех. В исламе брак также считался священным союзом, хотя развод был разрешён, но не одобрялся. В иудаизме развод был возможен, но требовал сложной процедуры и часто осуждался. Религиозные санкции были мощным сдерживающим фактором: люди боялись не только социального осуждения, но и божественного наказания. Развод означал не только потерю социального статуса, но и угрозу вечного проклятия.

Социальное давление было четвёртым механизмом. Разведённые люди – особенно женщины – подвергались стигматизации. Их считали «испорченными», «ненадёжными», «безнравственными». Они теряли социальный статус, друзей, связи. Женщина, которая развелась, часто становилась изгоем: её не приглашали в гости, её детей сторонились, её репутация была разрушена. Это социальное давление было настолько сильным, что многие люди предпочитали оставаться в несчастливом браке, чем терпеть позор развода.

Эти четыре механизма – экономическая взаимозависимость, правовые барьеры, религиозные санкции и социальное давление – действовали вместе, создавая систему, в которой раз-

вод был почти невозможен. Брак был пожизненным не потому, что люди были счастливы, а потому, что у них не было выбора. Как писала историк Стефани Кунц, «в прошлом люди оставались в браке не потому, что были более преданы или более счастливы, а потому, что у них не было альтернатив».

Переломный момент: как рост благосостояния, урбанизация и индустриализация начали подрывать экономическую основу этого контракта

Появление «эмоционального» брака

К концу XIX – началу XX века в западных обществах начали происходить изменения, которые постепенно подорвали экономическую основу брака и создали условия для его трансформации из пожизненного контракта в временное партнёрство. Эти изменения можно условно разделить на несколько взаимосвязанных процессов: рост благосостояния, урбанизация, индустриализация и изменение культурных ценностей.

Рост благосостояния, связанный с промышленной революцией и развитием капитализма, привёл к повышению уровня жизни значительной части населения. Люди стали жить дольше, меньше умирали от голода и болезней, имели больше свободного времени и ресурсов. Это создало условия для появления новых ожиданий от брака. Если раньше брак был способом выживания, то теперь он мог быть способом достижения счастья. Если раньше люди женились, чтобы выжить, то теперь они могли жениться, чтобы любить и быть любимыми.

Этот сдвиг в ожиданиях получил название «появление эмоционального брака». Как пишет историк Стефани Кунц в своей книге «История брака», в конце XIX века в западных обществах произошла «сексуальная революция», которая изменила представления о браке. Люди начали ожидать от брака не только экономической стабильности и продолжения рода, но и эмоциональной близости, сексуального удовлетворения, романтической любви. Брак стал рассматриваться как союз двух людей, которые любят друг друга и хотят быть вместе, а не как экономический контракт между двумя семьями.

Эта трансформация ожиданий имела глубокие последствия. Если брак должен приносить счастье, то брак, который не приносит счастья, теряет своё оправдание. Если брак должен быть основан на любви, то брак, в котором любовь угасла, теряет своё основание. Эмоциональный брак был более удовлетворяющим, но и более хрупким, чем институциональный брак. Он зависел от чувств, а чувства изменчивы.

Урбанизация и ослабление семейных связей

Урбанизация была вторым ключевым процессом, который подорвал экономическую основу традиционного брака. Переезд из деревни в город означал разрыв с расширенной семьёй, которая в традиционном обществе обеспечивала поддержку и контроль. В городе молодые люди оказывались вдали от родителей, родственников, соседей, которые раньше контролировали их поведение и осуждали отклонения от норм. Это ослабляло социальное давление, которое удерживало людей в несчастливых браках.

Урбанизация также создавала новые возможности для женщин. В городе женщины могли найти работу, которая не была связана с домом или семьёй. Они могли работать на фабриках, в магазинах, в офисах, в сфере услуг. Это давало им экономическую независимость, которой они не имели в деревне. Экономическая независимость, в свою очередь, давала им возможность уйти от мужа, если брак был невыносимым. Женщина, которая зарабатывала достаточно, чтобы содержать себя и детей, могла позволить себе развод.

Индустриализация и рост женской занятости

Индустриализация создала спрос на женский труд, который постепенно подорвал модель «мужчина-добытчик» и «женщина-хранительница очага». В текстильной промышленности, в швейном производстве, в сфере услуг женщины составляли значительную часть рабочей силы. Их заработная плата была ниже, чем у мужчин, но она всё же давала им возможность выжить самостоятельно. В периоды войн, когда мужчины уходили на фронт, женщины заменяли их

на фабриках и заводах, доказывая свою способность выполнять «мужскую» работу. Это разрушало стереотип о том, что женщина не может быть «добытчиком».

Рост женской занятости был медленным и неравномерным, но он имел кумулятивный эффект. С каждым десятилетием всё больше женщин работали вне дома, всё больше женщин имели собственный доход, всё больше женщин могли позволить себе независимость. К середине XX века в большинстве развитых стран женщины составляли значительную часть рабочей силы, и эта тенденция продолжала усиливаться.

Изменение культурных ценностей

Изменение культурных ценностей было четвёртым ключевым процессом. Секуляризация ослабила влияние религии на брак. Индивидуализм усилил значение личного выбора и личного счастья. Феминизм поставил под сомнение патриархальные нормы и потребовал равных прав для женщин. Все эти изменения создавали новую культурную среду, в которой развод переставал быть стигмой и становился правом.

Секуляризация началась с эпохи Просвещения и усилилась в XIX-XX веках. По мере того как религия теряла своё влияние на общество, религиозные санкции против развода ослабевали. Люди переставали верить в то, что развод – это грех, и начинали верить в то, что развод – это личный выбор. Это не означало, что религия полностью исчезла из жизни людей – она продолжала играть важную роль для многих. Но она перестала быть главным фактором, определяющим отношение к браку и разводу.

Индивидуализм также усиливался по мере развития капитализма и урбанизации. В традиционном обществе коллективные интересы – интересы семьи, рода, общины – превалировали над индивидуальными. В современном обществе индивидуальные интересы – личное счастье, самореализация, свобода – становятся всё более важными. Это создавало новое отношение к браку: брак должен служить личному счастью, а не наоборот. Если брак не приносит счастья, его можно расторгнуть.

Феминизм, зародившийся в XIX веке и достигший пика во второй половине XX века, поставил под сомнение патриархальные нормы, которые лежали в основе традиционного брака. Феминистки требовали равных прав для женщин – права на образование, на работу, на собственность, на голос, на развод. Они утверждали, что женщина не должна быть собственностью мужа, что она имеет право на самостоятельную жизнь, что брак должен быть союзом равных, а не подчинением одного другому. Эти идеи постепенно распространялись в обществе и создавали новую культурную среду, в которой развод становился приемлемым.

Переход к эмоциональному браку как новой норме

К середине XX века все эти процессы – рост благосостояния, урбанизация, индустриализация, изменение культурных ценностей – привели к фундаментальной трансформации брака. Брак перестал быть экономическим контрактом и стал эмоциональным союзом. Он перестал быть пожизненным и стал временным. Он перестал быть обязанностью и стал выбором.

Эта трансформация не была одномоментной. Она происходила постепенно, с откатами и возвратами, с разной скоростью в разных странах и разных социальных группах. Но общее направление было единым: от институционального брака к индивидуализированному партнёрству. И это изменение имело глубокие последствия для всех аспектов брака – для того, как люди выбирают партнёров, как они строят отношения, как они распределяют роли и обязанности, как они разрешают конфликты, как они принимают решения о разводе.

Появление эмоционального брака как новой нормы означало, что брак стал более ценным – он теперь приносил больше удовлетворения, больше счастья, больше близости. Но он также стал более хрупким – он теперь зависел от чувств, которые изменчивы, и от ожиданий, которые трудно удовлетворить на протяжении всей жизни. Как писала Стефани Кунц, «эмоциональный брак – это одновременно и величайшее достижение, и величайшая проблема современности.

Он даёт нам больше, чем любой другой брак в истории, но он также требует больше, чем любой другой брак в истории».

Брак как экономический институт был фундаментом человеческих обществ на протяжении тысячелетий. Его функции – воспроизводство рабочей силы, передача собственности, объединение ресурсов – были жизненно важны для выживания как отдельных семей, так и целых сообществ. Эти функции делали брак не просто желательным, а необходимым институтом, и они требовали его пожизненного характера.

В аграрных и индустриальных обществах брак был пожизненным не потому, что люди были счастливы, а потому, что у них не было выбора. Экономическая взаимозависимость, правовые барьеры, религиозные санкции и социальное давление создавали систему, в которой развод был почти невозможен. Люди оставались в браке, даже если были несчастны, потому что альтернатива была ещё хуже.

Однако рост благосостояния, урбанизация, индустриализация и изменение культурных ценностей постепенно подорвали экономическую основу этого контракта. Женщины получили доступ к образованию, работе, собственности – они стали экономически независимыми. Религия потеряла своё влияние на брак – религиозные санкции ослабли. Индивидуализм усилил значение личного счастья и самореализации – брак стал оцениваться по критерию удовлетворения, а не выполнения обязанностей. Феминизм поставил под сомнение патриархальные нормы – брак перестал быть подчинением, а стал партнёрством.

К середине XX века эти процессы привели к появлению новой модели брака – эмоционального брака, основанного на любви, взаимном уважении и личном выборе. Эта модель была более удовлетворяющей, но и более хрупкой. Она давала людям больше счастья, но и требовала больше усилий для сохранения. И она создавала условия для нормализации развода – потому что, если брак основан на любви, то брак без любви теряет своё основание.

Понимание этой исторической трансформации является ключом к пониманию того, почему брак перестал быть пожизненным. Развод стал нормой не потому, что люди стали хуже, а потому что изменились фундаментальные условия, в которых существует брак. Мы перешли от институционального брака, основанного на экономической необходимости, к индивидуализированному партнёрству, основанному на эмоциональной близости. И этот переход, со всеми его преимуществами и недостатками, является главной причиной того, почему брак перестал быть пожизненным.

2. Любовь как основание. Романтическая революция и ее парадоксы

Как любовь стала обязательным условием брака

На протяжении большей части человеческой истории любовь не была основанием для брака. Брак заключался по экономическим, политическим или социальным причинам, а любовь – если она вообще принималась в расчёт – была необязательным и часто нежелательным дополнением. Как было показано в предыдущей главе, брак в аграрных и индустриальных обществах был экономическим контрактом, и чувства супругов не имели отношения к его заключению или сохранению.

Однако на протяжении нескольких столетий – от позднего Средневековья до XX века – произошла фундаментальная трансформация. Любовь из литературного идеала и аристократической забавы превратилась в обязательное условие для заключения брака. Эта трансформация не была одномоментной. Она происходила постепенно, через несколько этапов, каждый из которых вносил свой вклад в формирование современного представления о браке как союзе, основанном на любви.

Куртуазная любовь: рождение западной традиции

Истоки западного культа романтической любви восходят к XII веку, к поэзии трубадуров Прованса. Именно там, в среде высшей аристократии, возникла новая концепция любви, которая радикально отличалась от всего, что существовало до неё. Трубадуры – поэты, часто бывшие священниками, оставившими церковь ради светской жизни, – создали идеал «истинной любви», который стал основой всей западной традиции романтической любви.

Согласно этому идеалу, любовь между мужчиной и женщиной была не просто физическим влечением или социальным обязательством. Она была «благородным идеалом, который облагораживает и возлюбленного, и возлюбленную». Это было нечто большее, чем либидинальная сексуальность: она включала «изысканную и высоко рафинированную куртуазность, которая подражала религиозной любви в своей способности создавать священный союз между участниками».

Ключевая характеристика куртуазной любви – её принципиальная недостижимость. Как показывает анализ легенды о Тристане и Изольде, «любовь пробуждается препятствием, но ослабевает от привыкания». Высшее выражение любви – страсть – предполагает, что влюблённые не могут быть вместе. Как писал Андрей Капеллан в трактате «О любви» (1185), «любовь, которую знают другие, редко длится», и «если любовь легко достижима, она имеет малую ценность. Трудности делают её драгоценной».

Эта концепция любви была глубоко противоречивой. С одной стороны, она прославляла женщину, возвышала её до положения госпожи, которой служит рыцарь. С другой стороны, она была несовместима с браком. Куртуазная любовь была любовью вне брака – к замужней женщине, часто к жене сеньора. Брак, основанный на экономическом и политическом расчёте, рассматривался как нечто низшее по сравнению с благородной страстью. Как отмечает Дени де Ружмон в своей классической работе «Любовь в западном мире», куртуазная любовь была «ересью», которая противопоставляла «анархическую, неутолимую любовь» – социальной и религиозной ответственности, воплощённой в браке.

От куртуазной любви к романтической: трансформация идеала

Куртуазная любовь была аристократическим идеалом, доступным лишь избранным. Как она превратилась в обязательное условие для брака для всех слоёв общества? Этот процесс занял несколько столетий и включал несколько ключевых этапов.

Ренессансный неоплатонизм реабилитировал любовь как духовную силу, способную соединить два человека в одно целое. Философы Ренессанса, опираясь на Платона, утверждали, что любовь – это не просто страсть, но путь к познанию высшей красоты и истины. Эта идея сделала любовь респектабельной, совместимой с браком и социальными обязанностями.

Реформация сыграла двойственную роль. С одной стороны, протестантские реформаторы, начиная с Лютера, отвергли католический идеал безбрачия и возвысили брак как «мирское призвание». С другой стороны, они подчёркивали, что брак должен быть основан на взаимной любви и уважении, а не только на экономическом расчёте. Лютер писал, что муж и жена должны «любить и уважать друг друга», и что брак без любви – это «жизнь в аду».

Просвещение и романтизм завершили трансформацию. Просветители, такие как Руссо, утверждали, что брак должен быть основан на «естественных» чувствах, а не на искусственных социальных условностях. Романтики, в свою очередь, создали культ страсти, индивидуальности и самореализации через любовь. Для романтиков любовь была не просто чувством – она была высшим смыслом жизни, способом достижения трансцендентного, слияния с абсолютом.

Ирвинг Сингер в своём фундаментальном исследовании «Природа любви» различает два типа романтизма: «положительный романтизм», который оптимистически утверждает, что любовь может быть реализована в этом мире, и «романтический пессимизм», который видит в любви недостижимый идеал, обречённый на трагическое завершение. Положительный романтизм стал основой для современного представления о браке как союзе, основанном на любви. Романтический пессимизм – для многочисленных литературных и кинематографических историй о трагической любви, которая не может быть реализована.

Романтическая революция XVIII-XIX вв.: брак как «проект самореализации»

К XIX веку в западных обществах сформировалось новое представление о браке, которое радикально отличалось от традиционного. Брак стал рассматриваться не как экономический контракт или социальный институт, а как «проект самореализации» – союз двух людей, которые любят друг друга и стремятся к совместному счастью.

Эта трансформация была связана с более широкими культурными и экономическими изменениями. Рост благосостояния, урбанизация и индустриализация создали условия, в которых люди могли позволить себе выбирать партнёра по любви, а не по расчёту. Индивидуализм усилил значение личного выбора и личного счастья. Романтизм создал культурный идеал любви как высшей ценности.

В этом новом понимании брака любовь была не просто желательной – она была обязательной. Брак без любви стал рассматриваться как нечто противоестественное, как проституция или рабство. Люди начали ожидать от брака не только экономической стабильности и продолжения рода, но и эмоциональной близости, сексуального удовлетворения, романтической страсти, интеллектуального партнёрства и духовного единства.

Эта трансформация имела глубокие последствия. Если брак основан на любви, то брак без любви теряет своё оправдание. Если брак должен приносить счастье, то брак, который не приносит счастья, теряет свой смысл. Романтическая революция сделала брак более осмысленным, более ценным, более удовлетворяющим – но одновременно и более хрупким. Как писал социолог Энтони Гидденс, романтическая любовь – это «одновременно и освобождение, и ловушка».

Парадокс романтической любви

Романтическая любовь создаёт фундаментальный парадокс, который лежит в основе современного кризиса брака. С одной стороны, она повышает планку ожиданий: брак должен приносить счастье, страсть, понимание, поддержку, самореализацию. С другой стороны, она делает брак хрупким: если чувства угасли, если страсть исчезла, если понимание не достигнуто, брак теряет своё основание.

Повышение планки ожиданий

Романтическая любовь создала беспрецедентные ожидания от брака. В традиционном институциональном браке люди ожидали от супруга выполнения определённых функций: обеспечение, защита, рождение и воспитание детей, ведение хозяйства. Эти ожидания были конкретными, измеримыми и достижимыми. Если муж обеспечивал семью и не был жестоким, а жена вела хозяйство и рожала детей, брак считался успешным, даже если между супругами не было глубоких чувств.

Романтическая любовь изменила всё. Теперь люди ожидают от брака не просто выполнения функций, но эмоционального удовлетворения. Они ожидают, что партнёр будет их «лучшим другом», «родственной душой», «второй половиной». Они ожидают страсти, которая не угасает, понимания без слов, поддержки в самореализации, совместного роста и развития. Они ожидают, что брак сделает их счастливыми – и если он этого не делает, значит, что-то не так.

Это повышение ожиданий имеет несколько источников. Во-первых, культурные нарративы – сказки, романы, фильмы, песни – создают образ идеальной любви, которая преодолевает все препятствия и завершается «счастливым концом». Во-вторых, психологизация брака – влияние психотерапии и популярной психологии – учит людей, что брак должен удовлетворять все их эмоциональные потребности. В-третьих, индивидуализация – акцент на личном счастье и самореализации – делает удовлетворённость браком главным критерием его успешности.

Исследования подтверждают, что высокие ожидания от брака связаны с повышенным риском развода. Мэри Ланер, профессор социологии Университета штата Аризона, изучала ожидания от брака у студентов колледжа и сравнивала их с ожиданиями людей, состоящих в браке около десяти лет. Она обнаружила, что студенты имеют значительно более высокие ожидания, которые «прямо взяты из фантазии о счастливом конце». Ланер предупреждает: «Такая иррациональность может привести нас к выводу, что когда «острота уходит», или когда брак или партнёр не соответствуют нашим завышенным идеалам, развод или оставление брака в какой-то другой форме является решением».

Хрупкость брака, основанного на чувствах

С другой стороны, романтическая любовь делает брак хрупким. Если брак основан на чувствах, а чувства изменчивы, то брак становится таким же изменчивым, как и чувства. Страсть имеет тенденцию угасать со временем – это физиологический факт. Эмоциональная близость может быть подорвана конфликтами, обидами, недопониманием. Романтическая любовь, которая кажется вечной в начале отношений, часто оказывается временной.

Психологи и социологи давно заметили, что страсть не может длиться вечно. Исследования показывают, что интенсивность романтической влюблённости достигает пика в первые месяцы или годы отношений, а затем постепенно снижается. Это не означает, что любовь исчезает – она может трансформироваться в более спокойное, глубокое чувство. Но это чувство уже не соответствует романтическому идеалу вечной страсти.

Если люди ожидают от брака вечной страсти, а страсть угасает, они могут интерпретировать это как «конец любви» и «провал брака». Они могут начать искать новую страсть – на стороне или в новом браке. Это создаёт порочный круг: чем выше ожидания страсти, тем быстрее наступает разочарование, тем выше вероятность развода.

Исследования показывают, что ожидаемая удовлетворённость в будущем является более сильным предиктором развода, чем текущая удовлетворённость. Люди, которые ожидают, что их брак будет удовлетворять их в будущем, более преданы отношениям. Но если эти ожидания не оправдываются, разочарование может быть разрушительным.

Психологизация брака

Романтическая революция привела к психологизации брака. Брак перестал оцениваться по выполнению социальных функций – обеспечение, рождение детей, ведение хозяйства – и начал оцениваться по качеству эмоциональной связи. Успешный брак – это брак, в кото-

ром супруги счастливы, удовлетворены, близки. Неудачный брак – это брак, в котором они несчастны, неудовлетворены, далеки друг от друга.

Эта психологизация имеет глубокие последствия. Во-первых, она делает неудачу в браке личной трагедией, а не просто социальным неудобством. Если брак не приносит счастья, это воспринимается как личный провал, как неспособность построить отношения, как что-то постыдное. Во-вторых, она создаёт новые стандарты успешности, которые трудно достичь. Люди ожидают от брака не просто выполнения обязанностей, но эмоционального удовлетворения, которое требует постоянной работы, коммуникации, взаимопонимания. В-третьих, она делает развод более приемлемым. Если брак – это проект самореализации, то его завершение – это не катастрофа, а переход к новому проекту.

Современная популярная психология усугубляет эту тенденцию. Книги, блоги, подкасты, посвящённые отношениям, создают идеал «здоровых отношений», который включает открытую коммуникацию, эмоциональную близость, взаимную поддержку, сексуальное удовлетворение, совместный рост. Этот идеал может быть полезен как ориентир, но он также создаёт новый источник тревоги: люди начинают беспокоиться, что их отношения не соответствуют этому идеалу, и могут воспринимать нормальные трудности как признаки «токсичности» или «несовместимости».

Социологический анализ: «тирания интимности»

Концепция «чистой связи» Энтони Гидденса

Одним из наиболее влиятельных социологических объяснений хрупкости современного брака является концепция «чистой связи», предложенная Энтони Гидденсом в его книге «Трансформация интимности» (1992). Гидденс утверждает, что в современном обществе интимные отношения перестали быть встроенными в более широкие социальные и экономические структуры. Они стали «чистыми» – то есть существующими ради самих себя, для того удовлетворения, которое партнёры получают от отношений.

Согласно Гидденсу, «чистая связь не имеет ничего общего с сексуальной чистотой; это понятие не столько определяющее, сколько уточняющее. Оно относится к ситуациям, в которых индивиды вступают в связь ради неё самой, ради того, что каждый из них может извлечь из длительных отношений с другой личностью, и которые продолжаются только до тех пор, пока обе стороны получают достаточно удовлетворения, чтобы хотеть их поддерживать».

Ключевая характеристика чистой связи – её принципиальная нестабильность. Она существует только до тех пор, пока приносит удовлетворение обоим партнёрам. Как только удовлетворение исчезает, связь теряет своё основание. Это не означает, что люди не стремятся к долгосрочным отношениям – они стремятся. Но они не считают, что эти отношения должны длиться любой ценой. Они готовы уйти, если отношения перестают соответствовать их ожиданиям.

Гидденс связывает эту нестабильность с «тиранией интимности» – новым типом власти в личных отношениях. В традиционном браке власть была внешней: религия, закон, экономика определяли, что супруги должны делать и как они должны относиться друг к другу. В чистой связи власть становится внутренней: партнёры постоянно оценивают отношения, сравнивают их с идеалом, решают, стоит ли продолжать. Эта постоянная рефлексивность создаёт тревогу и неуверенность, которые делают отношения хрупкими.

Критика концепции Гидденса

Концепция Гидденса была подвергнута эмпирической критике. Исследования показали, что в реальных отношениях коммуникация и постоянное переосмысление связи не являются главными. Люди ценят практические проявления любви и заботы – совместное времяпрепровождение, помощь в домашних делах, физическую близость – больше, чем «разговоры об отношениях». Исследователи также обнаружили, что «для пар, живущих вместе, время, деньги и

усилия, которые каждый партнёр посвящает домохозяйству, часто символизируют любовь и заботу друг о друге».

Кроме того, демократизация чистой связи, которую постулирует Гидденс, не подтверждается эмпирически. В гетеросексуальных отношениях гендерное неравенство сохраняется, даже когда партнёры считают себя равными. Женщины по-прежнему выполняют большую часть неоплачиваемой домашней работы и эмоционального труда, и это неравенство редко становится предметом открытой коммуникации.

Тем не менее, концепция Гидденса остаётся полезной для понимания одного из ключевых аспектов современного брака: его внутренней, а не внешней обоснованности. Современный брак не поддерживается внешними силами – религией, законом, экономической необходимостью – в той мере, в какой он поддерживался в прошлом. Он поддерживается только удовлетворением, которое партнёры получают от отношений. Когда удовлетворение исчезает, брак теряет своё основание.

Высокие ожидания и развод: эмпирические данные

Эмпирические исследования подтверждают связь между высокими ожиданиями от брака и повышенным риском развода. Исследование 135 молодых супружеских пар из Теннесси, проведённое в течение четырёх лет, показало, что пары, которые изначально ожидали от брака слишком многого, чаще ссорились и разводились. Исследователи комментируют: «Некоторые люди требуют от брака слишком многого; они думают, что, обручившись, обретут то, что не смогли получить без партнёра. Но в итоге они лишь разочаровываются».

Исследования также показывают, что женщины чаще возлагают на брак завышенные ожидания и чаще разочаровываются. До начала семейной жизни некоторые участницы исследования писали, что верят: «потенциальный муж обязательно станет после свадьбы вернее и заботливее, будет зарабатывать больше денег и даже полностью пересмотрит свои интересы». Практически всех девушек, рассуждавших подобным образом, ждало разочарование.

Дополнительные данные показывают, что ожидаемая удовлетворённость в будущем является более сильным предиктором развода, чем текущая удовлетворённость. Люди, которые ожидают, что их брак будет удовлетворять их в будущем, более преданы отношениям. Но если эти ожидания не оправдываются, разочарование может быть разрушительным.

Парадокс: высокие ожидания как цель и как угроза

Исследования показывают, что высокие ожидания от брака могут быть поддерживающими, если они реализуются, и разрушительными, если они не реализуются. Когда ожидания высоки, партнёры могут активно работать над их реализацией – улучшать коммуникацию, разрешать конфликты, проявлять заботу. Но если ожидания не реализуются, разочарование может быть глубоким и разрушительным.

Исследователи обнаружили, что оптимизм и самоэффективность играют важную роль в этой динамике. Пары с высокими ожиданиями, которые также имеют позитивный атрибутивный стиль (склонность интерпретировать события в браке положительно) и позитивное поведение в конфликтах (умение слушать и решать проблемы совместно), более удовлетворены браком. Напротив, люди с высокими ожиданиями, но негативным атрибутивным стилем и негативным поведением (критика, обвинения), менее удовлетворены.

Это означает, что не высокие ожидания сами по себе разрушают брак, а разрыв между ожиданиями и реальностью, который не может быть преодолён. Если партнёры способны адаптировать свои ожидания к реальности или работать над реализацией ожиданий, высокие ожидания могут быть полезны. Если они не способны ни на то, ни на другое, высокие ожидания становятся источником разочарования и развода.

Психологизация брака и новые стандарты успешности

От обязанности к самореализации

Психологизация брака означает, что брак перестал оцениваться по выполнению социальных функций и начал оцениваться по качеству эмоциональной связи. В традиционном браке успех определялся внешними критериями: есть ли у семьи дом, достаточно ли еды, хорошо ли воспитаны дети, уважают ли супругов в обществе. В современном браке успех определяется внутренними критериями: счастливы ли супруги, удовлетворены ли они отношениями, близки ли они эмоционально.

Эта трансформация имеет несколько последствий. Во-первых, она делает неудачу в браке личной трагедией, а не просто социальным неудобством. Если брак не приносит счастья, это воспринимается как личный провал, как неспособность построить отношения, как что-то постыдное. Люди, которые разводятся, часто чувствуют стыд и вину, даже если развод был их решением. Они могут думать: «Что со мной не так? Почему я не могу сохранить брак?»

Во-вторых, психологизация создаёт новые стандарты успешности, которые трудно достичь. Люди ожидают от брака не просто выполнения обязанностей, но эмоционального удовлетворения, которое требует постоянной работы, коммуникации, взаимопонимания. Этот стандарт может быть полезен как ориентир, но он также создаёт новый источник тревоги: люди начинают беспокоиться, что их отношения не соответствуют этому идеалу, и могут воспринимать нормальные трудности как признаки «токсичности» или «несовместимости».

«Тирания интимности» и новые формы контроля

Гидденс описал «тиранию интимности» как новую форму власти в личных отношениях. В традиционном браке власть была внешней: религия, закон, экономика определяли, что супруги должны делать. В современном браке власть становится внутренней: партнёры постоянно оценивают отношения, сравнивают их с идеалом, решают, стоит ли продолжать.

Эта постоянная рефлексивность создаёт тревогу и неуверенность. Партнёры могут чувствовать, что они должны постоянно работать над отношениями, чтобы они не «развалились». Они могут бояться быть «недостаточно хорошими» для партнёра. Они могут подозревать, что партнёр «недостаточно старается». Эта тревога может быть источником конфликтов и разочарования.

Некоторые исследователи утверждают, что «чистая связь» Гидденса предполагает структурную недоверчивость, которая объясняет её нестабильный характер. «Трудно доверять союзу, который в любой момент может распасться. Партнёры осознают, что удовлетворение от отношений – условие их существования – не дано раз и навсегда и может исчерпаться в любой момент». Эта структурная недоверчивость может привести к тому, что партнёры не инвестируют в отношения в полной мере, готовятся к возможному разрыву, сохраняют независимость. Парадоксально, но это может увеличить вероятность разрыва, поскольку отношения, в которые не инвестируют, менее удовлетворяют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.